

ближним, жертвовать собой и уметь подчиняться чужим интересам. Однако ни Иоанн IV, ни его преемник Кириак, ни император Маврикий, грубо отчитавший папу за вмешательство в дела константинопольского патриархата, ни ниспровергатель Маврикия Фока, издавший, правда, указ, согласно которому «апостольский престол Св. Петра, т.е. римская церковь, должен быть главой всех церквей», так и не удовлетворили жалоб Григория. Он был вынужден смириться с этим титулом и возобновить общение с патриархом. Возможно, для контраста он, как некогда Августин, стал называть себя «рабом рабов Божьих». Преемники же Григория сами включили эпитет «вселенский» в свою титулатуру.

Была, безусловно, и политическая подоплека разногласий римской церкви и константинопольского патриархата. Римский епископ, до сих пор безусловный авторитет во всех церковных делах на территории Римской империи, включая ее восточную часть — Византию, опасался роста влияния патриарха при поддержке имперских властей, пренебрегавших нуждами Рима, Римской церкви и вообще западных пределов империи.

По мысли Григория, церковь обладает полнотой власти для того, чтобы исполнить свою миссию обращения Мира в веру Христову и его подготовили ко второму пришествию. Главная

14-

проблема заключается в том, чтобы эти полномочия исполнялись правильно для чего необходимы подходящие правители, ведомые Богом и обладающие надлежащим благоразумием, т.е. тот самый тип христианина, который гармонично сочетает в своей жизни ее созерцательную и активную стороны. Светские власти являются частью церковного согласия и служат церкви, находясь в полной власти Бога. Церковь и империя (как глаза и ноги) взаимодополняют и смиряют друг друга. При этом, конечно, на практике часты отклонения от идеальной модели, когда светские властители нарушают